

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Эфраим Севела

ЛЕГЕНДЫ
ИНВАЛИДНОЙ
УЛИЦЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 28

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-22333-2

© Э. Севела (наследник), 2023
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ЛЕГЕНДЫ
ИНВАЛИДНОЙ
УЛИЦЫ

ОТ АВТОРА

Евреи, как известно, за редким исключением не выговаривают буквы «р». Хоть разбейся. Это наша национальная черта, и по ней нас легко узнают антисемиты.

В нашем городе букву «р» выговаривало только начальство. Потому что оно, начальство, состояло из русских людей. И дровосеки, те, что ходили по дворам с пилами и топорами и занимались колоть дрова. Они были тоже славянского происхождения.

Все остальное население отлично обходилось без буквы «р».

В дни революционных праздников — Первого мая и Седьмого ноября, когда в нашем городе, как и во всех других, устраивались большие демонстрации и когда русское начальство с трибуны приветствовало колонны: «Да здравствуют строители коммунизма!» — толпы дружно отвечали «ура», и самое тонкое музыкальное ухо не могло бы уловить в этом крике ни единого «р».

Таков был город, в котором я родился.

И была в этом городе улица под названием Инвалидная. Теперь она переименована в честь Фридриха Энгельса — основателя научного коммунизма, и можно подумать, что на этой улице родился не я, а Фридрих Энгельс.

Но когда я вспоминаю эту улицу и людей, которые на ней жили и которых уже нет, в моей памяти она остается Инвалидной улицей. Поэтому все, что я собираюсь вам рассказать, я и назвал:

ЛЕГЕНДЫ ИНВАЛИДНОЙ УЛИЦЫ.

Легенда первая

МОЙ ДЯДЯ

Моего дядю звали Симха.

Симха — на нашем языке, по-еврейски, означает радость, веселье, праздник, в общем, все, что хотите, но ничего такого, что хоть отдаленно напоминало бы моего дядю.

Возможно, его так и называли потому, что он при рождении сразу рассмеялся. Но если это и было так, то это было в первый и последний раз. Никто, я сам и те, кто его знал до моего появления на свет, ни разу не видели, чтобы Симха смеялся. Это был, мир праху его, унылый и скучный человек, но добрый и тихий.

И фамилия у него была ни к селу ни к городу. Кавалерчик. Не Кавалер или, на худой конец, Кавалерович, а Кавалерчик. Почему? За что? Сколько я его знал, он на франта никак не походил. Всегда носил один и тот же старенький, выцветший на солнце и заштопанный в разных местах тетей Саррой костюм. Имел внешность самую что ни на есть заурядную, и одеколоном от него, боже упаси, никогда не пахло.

Возможно, его дед или прадед слыли в своем местечке франтами, и так как вся их порода была тщедушной и хилой, то царский урядник, когда присваивал евреям фамилии, ничего лучшего не смог придумать, как Кавалерчик.

Симха Кавалерчик. Так звали моего дядю. Нравится это кому-либо или нет — это его дело. И дай бог, другим прожить так свою жизнь, как прожил ее Симха Кавалерчик.

На нашей улице физически слабых людей не было. Недаром все остальные улицы называли наших — аксоным, то есть бугаями, это если в переносном смысле, а дословно: силачами, гигантами.

Ну действительно, если рассуждать здраво, откуда у нас было взяться слабым? Один воздух нашей улицы мог цыпленка сделать жеребцом. На нашей улице, сколько я себя помню, всегда пахло сеном и укропом. Во всех дворах держали коров и лошадей, а укроп рос на огородах и сам по себе, как дикий, вдоль заборов. Даже зимой этот

запах не исчезал. Сено везли каждый день на санях, и его пахучими охапками был усеян снег не только на дороге, но и на тротуаре.

А укроп? Зимой ведь открывали в погребках кадушки и бочки с солеными огурцами и помидорами, и укропу в них было не меньше половины емкости. Так что запах стоял такой, что если на нашей улице появлялся свежий человек, скажем приезжий, так у него кружилась голова и в ногах появлялась слабость.

Большинство мужчин на нашей улице были балагулами. То есть ломовыми извозчиками. Мне кажется, я плохо объяснил и вы не поймете.

Теперь уже балагул нет в помине. Это вымершее племя. Ну, как, например, мамонты. И когда-нибудь, когда археологи будут раскапывать братские могилы, оставшиеся от Второй мировой войны, где-нибудь на Волге, или на Днестре, или на реке Одер в Германии, и среди обычных человеческих костей найдут широченные позвончики и, как у бегемота, берцовые кости, пусть они не придумывают латинских названий и вообще не занимаются догадками. Я им помогу. Это значит, что они наткнулись на останки балагулы, жившего на нашей улице до войны.

Балагулы держали своих лошадей, и это были тоже особенные кони. Здоровенные битюги, с мохнатыми толстыми ногами, с бычьими шеями и такими широкими задами, что мы, дети, впятером сидели на одном заду. Но балагулы были не ковбои. Они на своих лошадях верхом не садились. Они жалели своих битюгов. Эти кони везли грузовые платформы, на которые клали до пяти тонн. Как после этой работы сесть верхом на такого коня?

Когда было скользко зимой и балагула вел коня к колонке напоить, то он был готов на плечах донести до колонки своего тяжеловоза. Где уж тут верхом ездить.

Скоро после революции евреев стали выдвигать на руководящую работу, и некоторые балагулы тоже поддались соблазну: стали тренерами по тяжелой атлетике и били рекорды, как семечки щелкали. Чемпион Черноморского флота по классической борьбе Ян Стрижак родом из нашего города. Его отец — балагула Хаим Кацнельсон — жил на нашей улице. И не одобрял сына. Может быть, поэтому Ян Стрижак никогда наш город не посещал.

Вы можете меня спросить: как же так получается, если на минутку поверить вашему слову, как же это выходит, что на вашей улице мог быть такой слабый физически человек, как ваш дядя Симха Кавалерчик?

На это я вам отвечу. Во-первых, Симха Кавалерчик родился не на нашей улице и даже не в нашем городе. Он родом откуда-то из

местечка. Во-вторых, он, если называть вещи своими именами, совсем не мой дядя. Он стал моим дядей, женившись на моей тете Сарре. А тетя Сарра, про всех добрых евреев будь сказано, в семьдесят лет могла принести сто пар ведер воды из колонки, чтоб полить огород, а после этого еще сама колола топором дрова.

Но мы, кажется, не туда заехали. Я же хотел рассказать про моего дядю Симху Кавалерчика. И эта история не имеет никакого отношения к физической силе. Речь пойдет о душе человека. А как говорил один великий писатель: глаза — зеркало души. У Симхи глаза были маленькие, как и он сам, но такие добрые и такие честные, что я их до сих пор вижу. Должно быть, этими самыми глазами он и завоевал сердце моей тети Сарры.

Было это вскоре после революции. Шла Гражданская война, и наш город, как говорится, переходил из рук в руки. То белые займут его, то красные, то зеленые, то немцы, то поляки. Правда, погромов у нас не было. Попробуй задеть еврея с нашей улицы. Конец. Можете считать, что война проиграна. Тут и артиллерия, и пулеметы не помогут.

Мне моя тетя Рива рассказывала, что в ту пору, а она тогда была девушкой весьма миловидной, ее пошел провожать с танцев польский офицер. В шпорах, при сабле, на голове четырехугольная конфедератка с белым орлом, на груди белые витые аксельбанты. Кукла, а не офицер. И он на минутку задержался у наших ворот. Нет, никаких глупостей он себе не позволял. Он просто хотел продлить удовольствие от общения с тетей Ривой. Но моему дяде Якову, ее брату, это показалось уже слишком. Он набрал лопатой целую гору свежего коровьего навоза и через забор шлепнул все это на голову офицеру. На конфедератку, на аксельбанты.

Поляки — народ гордый, это известно. А польский офицер — тем паче. Он выхватил из ножен саблю и хотел изрубить дядю Якова на куски, тем более что дядя Яков был еще не вполне самостоятельным, ему исполнилось лишь тринадцать лет. И что же вы думаете? Тетя Рива, как у ребенка, вырвала у офицера его саблю и этой самой саблей, но, конечно, плашмя, врезала ему по заднице так, что он помчался вдоль всей улицы, роняя с конфедератки и погонов куски коровьего навоза, и больше у нас носа не показывал.

Эта сабля потом валялась у нас на чердаке, и я играл ею в войну. На эфесе сабли было написано латинскими буквами, и я прочел, когда мы в школе стали проходить иностранный язык, что там написано. Это было имя владельца сабли. Пан Боровский. Если он жив где-нибудь, этот пан Боровский, он может из первых рук подтвердить все мною сказанное.

Итак, шла Гражданская война. Симхе Кавалерчику было тогда лет восемнадцать. Узкоплечий, со впалой грудью, сидел он целыми днями, согнувшись, над сапожным верстаком у хозяина, в подвале, и весь мир видел через узкое оконце под потолком. Мир этот состоял из ног и обуви. Больше ничего в это оконце не было видно. Он видел разбитые, подвязанные веревками ботинки красных, крестьянские лапти и украденные лакированные сапоги зеленых, подкованные тяжелые сапоги немцев, щегольские, как для парада, бутылками, сапоги поляков.

Все это мельтешило перед его глазами, когда он их на миг отрывал от работы, и он снова начинал стучать молотком, прибивая подметки к старой изношенной обуви городских обывателей, вконец обнищавших за время войны.

Был он, как я уже говорил, слабым и тихим, грамоты не знал, политикой не интересовался. Он старался лишь заработать себе на кусок хлеба и пореже высовываться на улицу, где была неизвестность, где было страшно и где каждый мог его избить. Потому что каждый был сильнее его и крови жаждали почти все.

И может быть, таким бы он остался на всю жизнь, если б однажды, подняв воспаленные глаза от верстака, он не увидел в оконце необычные сапоги, разжегшие его любопытство до предела. А как вы знаете, ни один еврей не может пожаловаться на отсутствие любопытства. И Симха не был исключением. Он поднял глаза и замер. Такого он еще не видел. Хромовые пропыленные сапоги стояли перед его глазами, с лихо отвернутыми краями голенищ, и по всей коже нацеплены вкривь и вкось, как коллекция значков, офицерские кокарды. Не сапоги, а выставка.

Пришедший с улицы хозяин, злой и скупой, которого Симха боялся больше всех на свете, дрожащим от страха голосом, оглядываясь и шепча молитвы, поведал своим подмастерьям, кто такие обладатели диковинных сапог.

В город вступила 25-я Чонгарская кавалерийская дивизия из Первой конной армии Буденного, самая свирепая у красных. Это они, срубив в бою голову белому офицеру, срывают с его фуражки кокарду и цепляют ее на голенище сапога и по количеству кокард на своих сапогах ведут счет убитым врагам. И еще сказал хозяин, они приказали всему населению собраться на площади, где будет митинг. Сам хозяин туда не пойдет, не такой он дурак, и им не советуется, если им дорога голова на плечах.

Симха так не любил своего хозяина и так ему хотелось хоть когда-нибудь насолить тому, что поступил как раз наоборот. Первый раз открыто ослушался его. И этот раз оказался роковым.

Он вылез из подвала на свет божий, вдохнул впалой грудью свежего воздуха и не без робости огляделся вокруг.

На улице заливались гармошки, стоял гвалт, творилось невообразимое. Красные кавалеристы с выпущенными из-под папах чубами, скуластые, с разбойничьими раскосыми глазами, плясали с еврейскими девицами, и те, хоть по привычке жеманились и краснели, нисколько их не боялись. И это было впервые. Богатых не было видно, как ветром сдуло, один бедный люд заполнил улицу, и веселился, и галдел вместе с кавалеристами. И это Симха тоже увидел впервые.

Что-то менялось в жизни. Пахло чем-то новым и неизведанным.

— Все равны! Не будет больше богатых и бедных! Евреи и русские, простые труженики — один класс, одна дружная семья! Мир — хижинам, война — дворцам!

Симха слушал хриплые пламенные речи на митинге, и у него кружилась голова. Он поверил. Ему очень хотелось верить. И он поверил горячо и до конца. Со всей страстью чистой и наивной, тоскующей по справедливости души.

В подвал к хозяину он уже не вернулся.

Когда из нашего города на рысях в тучах поднятой пыли уходили на фронт эскадроны 25-й Чонгарской дивизии, среди лихих кавалеристов, ловко гарцевавших на бешеных конях, люди увидели нелепую, жалкую фигурку, еле державшуюся на лошади. Это был Симха Кавалерчик. Еврейский мальчик, хилый и тщедушный, боявшийся всего на свете — людей и лошадей. Не помня себя, как во сне, он записался добровольцем к Буденному, и никто не прогнал, не посмеялся над ним. Назвали словом «товарищ», нацепили на него тяжелую саблю, нахлобучили на голову мохнатую папаху, сползавшую на глаза, и в первый раз в жизни он вскарабкался на спину коня, затрясся, закачался в седле, не попадая ногами в стремя, судорожно уцепившись за поводья, и в клубах пыли, под гиканье и свист исчез, растворился в конной лавине, уходившей из нашего города на запад, против польских легионов Пилсудского.

Нет, мой дядя не погиб. Иначе мне было бы нечего рассказывать. Он вернулся в наш город, когда отгремела Гражданская война. Вернулся как из небытия, когда о нем все уже забыли.

Как он выжил, как уцелел — одному Богу известно. Рассказчик он был неважнецкий, и выжать из него что-нибудь путное не было никакой возможности. А кроме того, он вернулся с войны безголовым, сипел, тихо и невнятно. Как я понял с его слов, он сорвал голос во время первой кавалерийской атаки. Он мчался на своем коне вместе со всеми, размахивая саблей, и не видел ничего вокруг. Все

его силы ушли лишь на то, чтобы не свалиться с коня. Он ошалел от страха и вместе со своими кричал диким, истошным, звериным криком. Но должно быть, кричал громче всех, потому что навсегда повредил голосовые связки, и долго потом вообще разговаривать не мог, и до конца жизни издавал какие-то сильные звуки, когда хотел что-нибудь сказать.

Он ни на грош не окреп на войне. Остался таким же тощим и хилым. Да вдобавок стал кривоногим, как все кавалеристы, и широкие кожаные галифе, в каких он вернулся домой, превращали его ноги в форменное колесо. Привез он с фронта, кроме каменных мозолей, набитых на худых ягодицах от неумения сидеть в седле, также десяток русских слов, среди которых были и непристойные ругательства, и такие диковинные выражения, как «коммунизм», «марксизм», «экспроприация». От первых он быстро отвык, потому что был очень кроткого нрава и не мог обидеть человека, но зато вторые произносил часто и не всегда к месту, и в глазах у него при этом появлялся такой горячий блеск, что спорить с ним просто не решались.

Он вернулся большевиком на все сто процентов, верующим в коммунизм, как ни один раввин в свой Талмуд. Больше ничего для него на свете не существовало. Он был готов не есть, не пить, не спать, если это только нужно для того, чтоб коммунизм был здоров и не кашлял. Ни одна мать так не любит своего ребенка, как он любил свою идею. Он был готов заживо съесть любого, кто был против, хотя человек он был, повторяю, совсем не кровожадный, а добрый и честный. Но такой честный, что становилось тошно. И в первую очередь его семье, то есть моей бедной тете Сарре, которая вышла за него не знаю почему. То ли из-за кавалерийских галифе, то ли потому, что после войны вообще не хватало женихов и она могла засидеться в девках. А может быть, и я этого не исключаю, тут не обошлось и без задней мысли. Ведь власть в России взяли большевики, а Симха был чистокровным большевиком, с такими заслугами, и, став его женой, тетя Сарра рассчитывала выбиться в люди, быть ближе к пирогу, когда его будут делить победители.

Не знаю. Это все догадки, предположения. Тетя Сарра выросла в такой бедности и нищете, что не приведи господь, и, конечно, хотела, чтоб свет загорелся и в ее оконце. А большевик Симха Кавалерчик, как никто другой, имел возможность зажечь этот свет. Новая власть была его властью. Он сам был этой властью.

Кругом начиналась мирная жизнь, то есть строительство первой фазы — социализма. Люди ожили, зашевелились, стали поднимать головы, принимаются.

На нашей улице жил народ предприимчивый. Как только новая власть ни прижимала их налогами, ничего не выходило. Финансовый инспектор хоть был не с нашей улицы, но ведь тоже человек. Если положить ему в лапу, он спокойно закрывал глаза на многое. Недаром говорится: не подмажешь — не поедешь, не обманешь — не продашь. И люди жили. И даже богатели. И строили новые дома. И покупали мебель. И широкие затылки у балагул становились все багровее, и зады у их жен отрастали до таких размеров, что враги лопались от зависти.

Симха Кавалерчик себе дом не построил. И мебель не купил. Не было на что. Он один на нашей улице не обманывал свое советское государство и жил на сухой зарплате. И при этом он занимал такой высокий пост, какой никому на Инвалидной улице не снился. Он был заместителем директора мясокомбината, а мясокомбинат был первой стройкой социализма в нашем городе и еще долгие годы оставался единственным крупным промышленным предприятием. На этой должности Симха оставался всю жизнь: и до Второй мировой войны, и после. Заместитель директора.

Его бы с радостью поставили директором, но он до конца своих дней оставался малограмотным. Понизить же в должности, то есть снять с заместителей, было бы кощунством, равносильным тому, как если бы плюнуть в лицо всей большевистской партии. Потому что такого большевика, как Симха Кавалерчик, в нашем городе не было и, видать, никогда уже не будет. И потом, он был не просто большевик, а очень честный человек и работа была для него — все.

Сказать, что Симха любил свой мясокомбинат больше жены и детей — это ровным счетом ничего не сказать. Я не ошибусь, если скажу, что, кроме мясокомбината, для него ничего не существовало. За исключением, может быть, положения трудящихся в странах капитала, которое он принимал очень близко к сердцу, и мировой революции, которую он ждал со дня на день и так и не дождался.

Мясокомбинат был, как пишут в газетах, его любимым детищем. И хоть Симха был начальством, а начальству, как известно, положено сидеть в кабинете, никто никогда Симху не видел за письменным столом. Он делал любую работу наравне со всеми рабочими. Копал ямы, ставил столбы, клал кирпичи, когда возводили стены, своими плечиками подпирал многотонные машины, когда их под крики «Эй, ухнем!» устанавливали в цехе, и сердце его каждый раз обливалось кровью при мысли, что по неосторожности сломается какой-нибудь винтик, потому что машины эти были куплены за границей, на золотом, а государственная копейка для Симхи была дороже своей собственной.

Своей же собственной копейки Симха попросту не имел. Потому что то, что он приносил домой в получку, были не деньги, а слезы. И такие тощие, что в них даже не чувствовалось вкуса соли.

Тогда еще не было на комбинате столовой, и в обеденный перерыв рабочие доставали принесенную из дома снедь и ели тут же в цехе. Рвали зубами куриные ножки, запивали из бутылок молоком и с ленивой вежливостью слушали речи моего дяди. Он в обеденный перерыв не обедал. Из дому он мог принести только дырку от бублика, как говорится, от жилетки рукава. Натошак, с урчащим от голода, впавшим животом Симха использовал обеденный перерыв для агитации и пропаганды. Наслушавшись пылких речей в Первой конной Буденного, он кое-что из них усвоил на всю жизнь и в обеденный перерыв, голодный, рассказывал жующим людям сипло и безголосо, но с пламенной страстью, о светлом будущем, какое их ждет при коммунизме, когда у всех всего будет вдоволь и все люди станут братьями.

Строители коммунизма в деревенских лаптях и балагульских зипунах рвали крепкими зубами свое, частное, сало и куриные ножки, пили с бульканьем прямо из горлышек свое, частное, молоко и — вы не поверите — верили ему. Не так тому, что он говорил, а верили ему, Симхе Кавалерчику. Потому что не поверить в его честность было невозможно.

Моя тетя Сарра, которая, казалось бы, единственная из сестер сделала приличную партию, выйдя замуж за большевика, стала самой несчастной женщиной на свете. Так говорила моя мама. И так говорила вся Инвалидная улица.

Судите сами. Все кругом строятся, заводят мебель, живут как люди и желают революции долгих лет жизни, потому что при царе все было частное и там не украдешь и ничего не присвоишь, а теперь свобода — бери, тащи, хватай, только не будь шлимазл и не попадайся. А тетя Сарра? Не только своего дома не построила, но даже и не получила квартиру в многоэтажном Доме Коммуны, куда вселились исключительно семьи большевиков. Ее муж Симха Кавалерчик категорически отказался писать заявление и просить в этом доме квартиру. Он сказал тете Сарре, что сторит от стыда, если поселится там. Потому что в стране еще много бездомных и он согласится взять квартиру только последним, когда у всех остальных уже будет крыша над головой. Иначе, объяснял своей глупой жене мой дядя, для чего было делать революцию и заваривать всю эту кашу?

И они снимали на нашей улице комнату в чужом доме и платили за нее хозяину деньги из сухой зарплаты моего дяди. Что после этого оставалось на жизнь? Я уже говорил — слезы. Но Симха Кавалер-

чик не унывал. У него даже появились дети. Двое. Сын и дочь. Мои двоюродные брат и сестра. И по настоящю коммуниста-отца им были записаны такие имена, что вся Инвалидная улица потом долго пожимала плечами. Мальчика назвали Марлен, а девочку — Жанной. В честь революции. Имя Марлен — это соединенные вместе, но сокращенные две фамилии вождей мирового пролетариата — Маркса и Ленина. Марлен. А Жанной девочку назвали в честь французской коммунистки Жанны Лябурб, поднявшей восстание французских военных моряков в Одессе во время Гражданской войны.

Детей, Жанну и Марлена, надо было чем-то кормить и во что-то одевать. Об этом Симха не думал. Не потому что он был плохим отцом. Просто было некогда.

Строительство социализма вступило в новую фазу. Начиналась коллективизация. Это значит, у крестьян отбирали всю землю и скот и все это объединяли, делали общей собственностью, чтобы не было эксплуатации и все жили одинаково счастливой жизнью. Но крестьяне этого не понимали и держались за свою землю зубами. И эту землю приходилось вырывать с кровью. Кровь по деревням лилась рекой. Коммунисты расстреливали упрямых непослушных собственников, которые почему-то никак не хотели жить счастливой жизнью в колхозах, а те в ответ стреляли в коммунистов из-за угла, резали их по ночам ножами, рубили топорами.

Время, ничего не скажешь, было веселое.

Из городов на борьбу с несознательным крестьянством отправляли коммунистов. На нашей улице жил один коммунист. Симха Кавалерчик. И он в числе первых загремел на коллективизацию. Добровольно. Никто его не гнал. Симха Кавалерчик всей душой хотел счастья беднейшему крестьянству и, вооруженный револьвером, отправился в глушь, в самые далекие деревни, уламывать, уговаривать мужиков вступить в колхоз и стать наконец счастливыми.

С грехом пополам выговаривая русские слова, с ужасающим еврейским акцентом, безголосый, он забирался к черту на рога, где до него зарезали всех присланных в деревню коммунистов, и, размахивая револьвером, ходил по хатам, сгонял людей на сходку и в прокуренной душной избе говорил пламенные большевистские речи.

И вот теперь представьте себе на минуточку такую картину.

Деревенская изба. Ребристые бревенчатые стены, тяжелые балки давят под низким потолком. Маленькие оконца промерзли насквозь. На дворе воеет вьюга и стонет лес на десятки верст кругом.

В избу набилось много мужиков и баб. Сидят в овчинных тулупах, смолят махорку и недобро глядят из-под мохнатых бараньих шапок на тщедушного человека с еврейским носом, нехристя, мель-

тешащего перед ними в красном углу, под иконой Николы Угодника, и тусклый огонек лампы кидает от него нервные тени на их потные, красные от духоты и злобы лица.

В этой глуши еще с царских времен еврея за человека не считали, а коммунистов ненавидели люто. И вот их вынуждают слушать эти несвязные нерусские речи и терпеть и еврея, и коммуниста.

Бабы, вникая в сиплюю, сбивчивую речь моего дяди, глядя в его горящие огнем глазки, когда он расписывал им, как они счастливо будут жить в колхозе, если послушаются его, Симху Кавалерчика, и сделают все, как предписано партийной инструкцией, эти бабы плакали, плакали от бабьей жалости к нему. Уж они-то знали, что ждет этого юродивого, этого безумного праведника через час-другой, когда он весь в поту выйдет из избы на мороз. Топор в спину. Или колом по голове. Не с ним первым здесь так расправились. А те были мужики в теле, не то что этот, извините за выражение, — соплей перешибешь.

Ничего не скажешь, хорошенькая картинка, скажете вы, аж мороз по коже. И он что, не боялся? На это я вам отвечу. Нет. Можете трижды плюнуть мне в глаза, он не боялся. Потому что, если бы он боялся, он бы оттуда живым не ушел. И умер бы даже не от топора, а от страха.

Он ничего не боялся, потому что ни о чем не думал, кроме одного: он коммунист и должен выполнить задание партии. Любой ценой. Даже ценой своей жизни, которую не ставил ни в грош, если это нужно было для дела революции. Теперь вы понимаете?

Целый месяц от него не было ни слуху ни духу. Целый месяц он жил как в волчьей логове. Спал в этих избах под иконами и видел коммунистические сны. Как загорятся под прокопченными потолками лампочки Ильича, так тогда называли электрические лампы, как загудят в полях трактора и как счастливые крестьяне живут не тужат и водят хороводы на лесных полянах.

А кругом бушевала вьюга и стонал лес. И топор, предназначенный ему, был отточен до блеска.

Вы не поверите, но он вернулся живым. Больше того. В той деревне был создан колхоз, и его не назвали именем Симхи Кавалерчика, на мой взгляд, только потому, что это имя не совсем подходило для названия колхоза. Колхоз назвали именем Сталина, и мужики, которых сумел убедить мой дядя, до сих пор ждут, когда же наконец наступит счастливая жизнь, какую он так искренне обещал.

Правда, со временем кое-что сбилось из того, что он им говорил. Загорелись лампочки Ильича, загудели в полях трактора, и колхоз-

ники даже стали водить хороводы, когда начальство этого требовало. А счастья, как говорится, как не было, так и нет. Но тут уж не вина моего дяди. Он очень хотел всех осчастливить. Оказалось же, что даже Карл Маркс, который был для дяди богом, не смог всего предусмотреть.

Он вернулся и как ни в чем не бывало назавтра уже снова сипел речи на своем мясокомбинате. Шли годы. Росли дети. Тетя Сарра жила хуже всех, и мы ей давали в долг и не просили возвращать. Все жалели ее и детей, и смотрели на Симху Кавалерчика как на малахольного, и ждали, чем это все кончится.

Все эти годы он ходил в одном и том же одеянии, в каком вернулся с Гражданской войны. Ботинки были по сто раз залатаны, штаны и китель — штопка на штопке. Но Симха не тужил. Он даже не замечал, во что одет, и проходил бы в этом еще двадцать лет, если бы не случилась Вторая мировая война и его не призвали в армию. Там ему, как положено, выдали казенное обмундирование, и он наконец расстался со своей ветошью и стал выглядеть прилично.

Он ушел на фронт и четыре года, пока шла война, не знал, где его семья и что с ней. Он знал, что немцы убивают всех евреев подряд, а так как наш город был оккупирован, то, естественно, полагал он, ни жены, ни детей нет в живых. Сказать, что он не горевал, нельзя. Он был мужем и отцом и вообще добрым человеком. Но все его существо было встревожено мыслями более широкого масштаба. Он никак не мог допустить, чтоб Советский Союз проиграл войну и погибло дело революции. Так что для тоски по семье не оставалось времени.

Симха Кавалерчик кончил войну в Берлине в звании майора. Он был политическим работником в армии и не околачивался в тылу, а торчал в самых опасных местах, на передовой, и бежал в атаку вместе с пехотой, как рядовой солдат, забывая, что он — майор и ему положено быть поближе к штабу. Я думаю, что его любили солдаты. Невзирая на то что он был не силен в грамоте, а может быть, именно потому, невзирая на сильнейший еврейский акцент и сиплый, неслышный голос, но, может быть, именно это вызывало сочувствие к нему, даже сострадание. И вся его отнюдь не военная фигура, в нелепых широких погонах на узких покатых плечах, и абсолютное бескорыстие, и забота только о других, а не о себе, отличали его от других офицеров и привлекали к нему солдатские сердца.

Он вернулся в наш город живым и невредимым, в новом офицерском костюме тонкого английского сукна, и на кителе было столько орденов и медалей, что они не умещались на узкой груди и бронзо-

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДЫ ИНВАЛИДНОЙ УЛИЦЫ	
От автора	7
Легенда первая. Мой дядя	9
Легенда вторая. Почему нет рая на земле	25
Легенда третья. Шкаф «Мать и дитя»	46
Легенда четвертая. Кто, наконец, чемпион мира?	62
Легенда пятая. Все не как у людей	84
Легенда шестая. Старый дурак	96
ОСТАНОВИТЕ САМОЛЕТ – Я СЛЕЗУ!	101
МОНЯ ЦАЦКЕС – ЗНАМЕНОСЕЦ	
Пролог	263
Что такое знамя	265
Переходящая красная вошь	269
Парикмахеры – три шага вперед!	275
Полковой знаменосец	278
Полковой марш	289
Рэб Мойше и рэб Шлэйме	296
Ах, любовь, как ты зла!	303
Охота за «языком»	310
Кто закроет грудью амбразуру?	320
Погоны	326
Предсказатель судеб	332
Тайный агент	337
Посылка	345
Труп знаменосца	355
Туалетная бумага	357
Субботняя молитва	359

СОДЕРЖАНИЕ

Еврейское ранение	364
Фирочка Козочка	369
Семья	378
Эпилог	381

ПОПУГАЙ, ГОВОРЯЩИЙ НА ИДИШ

Попугай, говорящий на идиш	387
Наш президент	395
Солдатские штаны	397
Волчица	400
Белые ночи	403
Осведомитель	417
Муж графини	438
Праведник	444
Субботние подсвечники	449
Загадочная славянская душа	464
Золотые Пески	484
Еврейские мелодии	497
Исключение из правила	503
Морская болезнь	507
Фамильное серебро	517
Потомок Чингисхана	523
Берлинские окна	543
Эхо войны	549
Судный день	559
Очки	571
Женщины из Цфата	574
Молитва	577

ЗУБ МУДРОСТИ

<i>(Записки тринадцатилетней девочки)</i>	583
---	-----

Севела Э.

С 28 Легенды Инвалидной улицы : повести, рассказы / Эфраим Севела. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 752 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22333-2

Эфраим Севела (1928–2010) — всемирно известный писатель, кинорежиссер и сценарист — написал свою первую книгу уже в эмиграции (сборник рассказов «Легенды Инвалидной улицы», получивший широкое признание). Сегодня его имя можно поставить в один ряд с такими авторами сатирической и трагикомической прозы, как Ярослав Гашек, Шолом-Алейхем, Михаил Зощенко. Истории Эфраима Севелы об эмигрантах и попугаях «с мировой скорбью в круглых глазах», о мировых катаклизмах и скромных заботах маленьких людей, мечтающих о счастье, о грешных праведниках и праведных грешниках написаны с удивительным юмором и мастерством.

В настоящее издание вошли самые известные повести и рассказы Эфраима Севелы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ЭФРАИМ СЕВЕЛА
ЛЕГЕНДЫ
ИНВАЛИДНОЙ УЛИЦЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Маргарита Ахметова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.12.2022. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46,06.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-ARL-31297-01-R